

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Диалогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*



Глава 1

КАК Я ЗАВЕЛ СЕБЕ ЧЕЛОВЕКА

Рассказ кота Кузи

Уж сколько лет живу на свете, а все не перестаю удивляться, насколько люди ограниченные, недалекие и самонадеянные существа. Отчего-то вбили себе в голову, что именно они являются венцом творения, царями природы и все такое прочее, — и так упорно в это верят, что, право же, становится смешно. Это ж надо до такого додуматься: решить, что это они заводят себе нас, кошек, в качестве домашних питомцев — в то время как на самом деле все, конечно же, происходит совсем наоборот. И яркий пример тому — моя собственная история.

Начну, пожалуй, с того, что признаки незаурядного ума я проявлял еще в детстве. Можно даже сказать, в раннем детстве. И пока остальные пятеро моих братьев и сестер только пили мамочкино молоко и дрыхли в нашей мягкой корзинке, я уже начал задумываться о своем будущем. Облизывая нас и укладывая спать, мамочка заодно объясняла нам, как устроен мир. И благодаря ее мурлыканью я довольно быстро понял, что те огромные двуногие бесшерстные существа, которые то и дело заглядывают к нам в корзинку и умильно сюсюкают, на самом деле не так уж бесполезны, как выглядят на первый взгляд. Оказывается, природа создала их для того, чтобы нам, кошкам — настоящим царям природы, прощу заметить! — жилось спокойнее, уютнее и комфортнее. Мамочка объяснила, что люди, конечно, на редкость бестолковы и часто бывают надоедливы — но зато они обеспечивают нам тепло, покой и вкусную еду. Ради этого можно потерпеть их глупость и прочие мелкие неудобства, вроде их дурацкого «кис-кис-кис» или желания поиграть с тобой и потискать тебя, когда у тебя совершенно нет на это настроения.

Вы еще не забыли, что я с рождения отличался незаурядным умом? И потому довольно быстро



начал понимать не только язык кошек, но язык людей и других существ. Мы, кошки, лучше всех понимаем тех, которые крутятся вокруг рода человеческого и которых люди называют нечистью, а мы просто соседями... Впрочем, об этом несколько позже. А пока хочу рассказать о том, как выбирал себе человека (люди по ошибке называют это словом «хозяин»). Из разговоров тех двуногих, которые вечно толклись рядом с нашей корзинкой, я быстро понял, что долго оставаться с теплой мамочкой нам, увы, не суждено. Каждого из нас, мамочкиных детей, планировали отдать, как это говорилось, «в добрые руки». И тогда я смекнул, что обязательно должен выбрать эти руки сам — иначе потом могу горько пожалеть.

Первой я отверг крайне неприятную семейку во главе с противным вихрастым мальчишкой. Тот, как увидел меня, заорал: «Хочу вот этого, рыжего!» — и потянулся к корзинке. Но я не растерялся и сразу вцепился когтями в его руку, которая совсем не показалась мне доброй. Иначе поступить я не мог — у мальчишки на лице было написано, что, притащив меня домой, он не даст мне ни минуты покоя, а меня такая перспектива не устраивала категорически. Характер у меня,

если вы этого еще не поняли, независимый, и жить я собирался по своим законам, а не подстраиваться под каких-то там двуногих. Так что непонравившаяся мне семейка сочла меня слишком агрессивным и предпочла одну из моих сестриц, самую толстенную и ленивую, которой все в этом мире было безразлично, лишь бы ее почаще кормили.

Следующими кандидатами в мою службу... хорошо, пусть будет по-вашему, в мои хозяева, — стала молодая семейная парочка. Похоже, они только поженились, так как все время поправляли новенькие кольца на пальцах, то и дело брались за ручки и не могли наглядеться друг на друга. Конечно, это очень трогательно (по-своему), но я сразу понял, что и они мне совершенно не подходят. Там, где двое заняты только друг другом, третий явно окажется лишним. Тем более что я вовсе не хотел становиться третьим — я собирался быть первым и только первым. Так что я забился под диван и сидел там до тех пор, пока парочка не удалилась, унося с собой моего полосатого братца, и мысленно пожелал вслед, чтобы голубки хотя бы иногда прерывали свое воркование и вспоминали, что его надо покормить.



Но наконец и мне улыбнулась удача. Когда порог нашей квартиры робко переступила *она*, я сразу понял — вот та, которую я ждал все это время. Милая — значит, будет должным образом заботиться обо мне. Скромная — соответственно, не станет заставлять меня делать то, чего я не хочу. И явно одинокая — то есть никаких беспардонных детей и капризных мужей, которые станут требовать ее внимания. Внимания, которое отныне по праву принадлежит только мне одному!

Вика, так звали мою новую хозяйку, сначала поглядывала на самую пушистую из моих сестер. Но я решительно оттер сестрицу в сторону, подошел к Вике, стал ластиться и мурлыкать, а потом, когда она наклонилась, чтобы погладить меня, запрыгнул к ней на руки. И тем самым окончательно покорила ее сердце. «Я назову его Кузей», — сказала она. Я не возражал. Кузя, Вася, Мурзик... Какая разница! Нам, кошкам, совершенно безразлично, как люди нас называют. Главное не это, а то, что раз уж мне суждено расстаться с мамочкой, то уносят меня от нее действительно добрые руки. И несут в тот дом, где — в этом я ни на минуту не сомневался! — мне будет по-настоящему хорошо.

И я не ошибся, мы с Викой зажили душа в душу. Во всяком случае, так было первое время. Она старательно исполняла все мои желания, а я милостиво позволял ей обо мне заботиться. Квартирка ее была, конечно, тесновата, но что тут поделаешь! Обзавестись чем-то получше Вика не могла. Она ведь была приезжей, только-только окончила университет, зарабатывала немного, и на более просторное жилье ей бы просто не хватило денег.

Впрочем, во всем остальном новое место обитания меня вполне устраивало — почти так же, как устраивала его хозяйка. Вика быстро усвоила, что корм я предпочитаю со вкусом рыбы, утки или, в крайнем случае, ягненка, сплю исключительно на кровати (и это не обсуждается!), а днем люблю смотреть телевизор или прикорнуть в *своем* кресле, на которое никто, кроме меня, не должен претендовать. Впрочем, к чести моей, стоит сказать, что я со своей стороны тоже старался во всем идти Вике навстречу. Дисциплинированно пользовался лотком, всегда позволял себя гладить и старательно при этом мурлыкал (у меня это явно получается куда лучше, чем у большого белого ящика в кухне, в котором хранят продукты!). По большому сче-



ту, в то время мы с Викой поссорились только один-единственный раз — когда мне, по юношескому недомыслию, вздумалось поточить когти об кухонный стол. Вика тогда отругала меня, и я уж хотел было рассердиться, но тут она вдруг обняла меня и объяснила, что из-за испорченной мебели ее могут выгнать из квартиры, а другую такую, чтобы за ту же цену и так близко к работе, найти трудно. Мне стало стыдно, я запрыгнул к ней на колени и попросил прощения. На другой день Вика купила когтеточку, а я больше никогда не повторял своей ошибки.

В то время я был еще слишком молод и наивен и думал, что наша идиллия не закончится. Как бы не так! Не прошло и нескольких месяцев нашей жизни под одной крышей, как Вика сильно изменилась. Она сделалась задумчивой, рассеянной, плохо спала по ночам, ворочалась, мешая мне наслаждаться отдыхом, а днем могла подолгу сидеть, глядя в одну точку, и только молча улыбалась, явно вспоминая что-то приятное. А дальше стало еще хуже — Вика начала реже бывать дома, задерживалась в будние дни, пропадала до поздней ночи в выходные, приходила радостно-взволнованная и, даже когда была рядом, все равно не занималась мной, а только

и делала, что прислушивалась, не зазвонит ли телефон.

Даже несмотря на тогдашний недостаток жизненного опыта, я быстро смекнул, в чем тут дело, — ведь я, как, кажется, уже говорил, всегда был очень умен. Конечно же, Вика влюбилась! А раз так, это может сулить мне не самые радужные перспективы... Я заволновался, и, как показало время, не напрасно. Вскоре избранник Вики появился в нашем доме — и с первого взгляда мы с ним невзлюбили друг друга.

Его звали... А впрочем, какая разница! Я все равно никогда не называл его иначе как *этот*. Так вот, все началось с того, что *этот* грубо согнал меня со стола, когда я заглянул к ним в тарелки, желая узнать, что Вика приготовила на романтический ужин. Я возмутился, но Вика так умоляюще на меня взглянула, что я, так уж и быть, взял себя в руки, то есть в лапы. Более того — даже когда меня в ту ночь впервые в моей жизни не пустили на кровать, я и то сдержал свои чувства, так как очень уж не хотел расстраивать Вику. Мне пришлось переночевать на коврике. Так уж и быть, я справился. Но когда утром, как сейчас помню, это было воскресенье, *этот* развалился в *моем* кресле и принялся щелкать



пультом от телевизора, пока Вика мыла посуду, я возмутился и нагадил ему в ботинки, такие же блестящие и самодовольные, как он сам.

Конечно, ничем хорошим дело не закончилось. *Этот* попытался ударить меня, я увернулся и как следует его оцарапал, он кричал, Вика суетилась, подбегая к нему то с пластырем, то с бинтом, то с йодом, и бормотала что-то вроде: «Не понимаю, что на него нашло, может, заболел... Обычно Кузя всегда такой милый, вот увидишь...» Но *этот* заявил, что не желает меня больше видеть. И действительно, какое-то время он у нас не появлялся. Но это, увы, не означало ничего хорошего, потому что Вика тоже стала бывать дома все реже, частенько даже ночевать не приходила, а только забегала, чтобы покормить меня, налить воды в миску и сменить наполнитель в лотке, после чего исчезала вновь.

И я мирился с этим, потому что выглядела Вика хоть и озабоченной, но вполне довольной. А в один из вечеров явилась и вовсе просто сияющей от счастья, подхватила меня на руки, расцеловала, закружила по комнате и поведала, что мы переезжаем, так как *этот* предложил ей выйти за него замуж, и она согласилась.

Думаю, не нужно вам объяснять, что меня подобная новость совсем не обрадовала. Но выбора, как вы сами понимаете, не было.

Наше с Викой новое жилье оказалось гораздо больше предыдущего, в нем было целых три просторные комнаты и немалых размеров холл. Однако чувствовал я себя в новой квартире как в тесной тюремной камере — столько мне с первой же минуты выставили запретов и ультиматумов. Представляете, не разрешалось ходить ни в кухню, ни в спальню! Конечно же, я был оскорблен до глубины души. И наверняка даже не подумал бы следовать этим предписаниям, если бы не Вика. Едва мы остались наедине, она села рядом со мной на пол, принялась гладить меня и шептать: «Кузенька, милый, ну пожалуйста! Веди себя хорошо, ради меня! Мне такого труда стоило уговорить Сашу, чтобы ты жил с нами. Вообще-то он терпеть не может кошек... А я... Кузенька, я так его люблю!..»

Разумеется, все это мне совершенно не нравилось. Но Вика так умоляла, что я скрепя сердце согласился пойти ей навстречу. Знаю, люди говорят, что мы, кошки, не умеем любить людей, что привязываемся только к дому, а не к его хозяевам. Так вот вам мое авторитетное мнение



на данный счет: это полная чушь! Уж если мы кого-то любим — так любим всей душой. Просто выражаем свои чувства не совсем так, как это хотят видеть люди. Мы не машем хвостом, не визжим от радости, когда после одинокого дня наконец-то открывается входная дверь, не кидаемся вас обнюхивать и облизывать, как некоторые... Ну, вы поняли, о ком я. Но в то же время, поверьте, мы рады вашему приходу ничуть не меньше, а возможно, и больше, чем... Однако прошу прощения, я что-то отвлекся.

Итак, мы переехали жить к *этому*, и ради Вики я старался сохранять с ее сначала женихом, а потом мужем если не мир, то, по крайней мере, вооруженный нейтралитет. Мне нравилось видеть Вику такой счастливой. Она часто улыбалась, и все так и летало в ее руках — квартира сверкала чистотой, на столе постоянно появлялись новые вкусные блюда, все желания *этого* угадывались и предупреждались с полуслова. Кроме, к моему счастью, одного. Через какое-то время после свадьбы он заявил, что хотел бы завести собаку, и я пришел в ужас. Но тут мне несказанно повезло — вскоре выяснилось, что Вика беременна, и разговор о собаке заглох сам собой, а я вздохнул с облегчением. Конечно, с детьми

у котов бывает не меньше неприятностей, чем с собаками, но с ребенком все же иногда можно договориться, а вот с собакой — уввы. Так что я хорошо понимал, что из двух зол судьба выбрала для меня наименьшее.

Вику предстоящее материнство очень радовало, а *этот* ее восторгов не разделял. Ему абсолютно неинтересно было гадать, на кого окажется похож ребенок, и рассматривать преимущества одной модели коляски перед другой. Стоило Вике только завести речь о чем-то подобном, как он торопился перевести разговор на другую тему. Так что выбирать имя для малыша и обсуждать, как лучше его растить, Вике приходилось со мной. И мы вдвоем часами просиживали за ноутбуком, читая в Интернете статьи педиатров и детских психологов.

Когда после УЗИ стало известно, что Вика ждет девочку, *этот* скорчил гримасу.

— Думал, хотя бы сын будет, — заявил он. — С мальчишкой, по крайней мере, можно в игровую приставку рубиться и вертолетики на радиуправлении запускать.

Тогда, впервые за все время их семейной жизни, Вика заплакала. И, к сожалению, этот раз стал далеко не последним.